

Говорит и показывает
ИСКУССТВО Москва, 1978, 8 фев

ФРИДЕРИК ШОПЕН

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 ФЕВРАЛЯ,
1 ПРОГРАММА, 13.00;
1 «ЗС» — 9.00; 1 «ВС» — 19.00;
1 «ДВ» — 21.00

Он многое успел — и потому, что рано начал, и потому, что его удивительный природный дар и его необычайная — во всем — поэтичность словно бы «скажи десятилетия в мгновение».

«Вундеркинд», «гений», «чародей»... Ну что значили для него все эти ярлыки, эпитеты, когда он, девятилетний музыкант, выходил на первые свои публичные концерты и когда фортепьянные звуки поглощали его целиком! К тому же «гению» приходилось столько учиться: и с «домашними» учителями, и в стенах Варшавской консерватории, где редкое дарование юного композитора и пианиста было признано даже документально, в его экзаменационном листке написали: «Фридрих Шопен — музыкальный гений».

Он начал рано, и к своей той «рубежной» (за ней начиналась вторая половина жизни) поездке 1830 года в Париж, на гастроли Шопен уже считался совершеннейшим пианистом-виртуозом, и у него уже была сложена большая часть знаменитых композиций, в том числе и два фортепьянных концерта. Но никто не знал тогда, что поездка эта будет для него достопамятно печальной, что он уже никогда не вернется на родину. Ибо вспыхнуло в это время в Варшаве восстание против гнета царизма, которое было жестоко подавлено. А среди восставших были друзья Шопена: это отрезало ему путь домой.

По дороге в Париж — концерты в Вене, Мюнхене. Триумф. За маэстро, как шлейф, потянулось восхищение — и столичных салонов, и просто «почитателей изящных искусств», и друзей, которых становилось у Шопена все больше и на которых ему на редкость везло. Шуман искренне восторгался первым изданным сочинением Шопена — фантазией на тему из «Дон Жуана» (и когда автор приехал в Лейпциг, этот день стал событием); его любили Лист и Берлиоз, Беллини и

Гейне, Бальзак и Мейербер, кудожник Делакруа (увидев однажды, не забудешь знаменитый его портрет Шопена 1838 года: огненно-рыжие пляшущие краски накаляют картину, в отсвете зарева или пожара — мятежный лик маэстро, и непонятно: сам гений рождает огонь или так нестерпимо жарко отражает его).

Еще были в его жизни другие серьезные «вещи»: болезнь, изнуряющая грудная боль, первые признаки которой появились в 1838 году (маэстро было тогда 28 лет); трудная любовь к Жорж Санд, неотступная тоска по родине, истощающая душу. Но вопреки всему Шопен оставался для всех, кто знал, кто видел, кто слышал его, светлым, возвышенно романтическим, зажигательным и в то же время внутренне цельным, убежденным, сильным человеком-художником.

Весною 1849 года Шопену удалось исполнить свою давнюю мечту — он в Лондоне. Концерты. Успех. Впечатляющая поездка в Шотландию... Это отняло у него много сил. В Париж он возвратился неизлечимо больным. Осенью его похоронили на кладбище Пер-Лашез, между могилами Керубини и Беллини. Но сердце его было перевезено в Польшу.

Все, что создал Шопен, отмечено печатью поэтической взволнованности, «легендарно-загадочного» своеобразия и всегда узнаваемо: и мазурки — эти живые сценки из народной жизни, где причудливо сплетены веселость и печаль, и горделиво-торжественные полонезы, и пружинные баллады и скерцио, и строгие, волевые и мудрые прелюдии, и сама красота и само изящество — вальсы, и сонаты — кто не знает его сонат си бемоль минор (с траурным маршем) и си минор, и два его фортепьянных концерта, самых, пожалуй, популярных концертов в мире... И во всем этом — душа польского народа, высказанная в звуках.

В. ГУСАРОВ